

Р. В. ГАЙДАМАШКО

**К ВОПРОСУ О ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СВЯЗИ
СЕВЕРНОРУССКИХ И ПРИКАМСКИХ ГОВОРОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНОЙ
ЛЕКСИКИ ЛАНДШАФТА)***

Аннотация. В статье приведена диалектная лексика ландшафта Прикамья, свидетельствующая о генетической связи севернорусских и прикамских говоров. После вводных замечаний, освещающих историю формирования говоров Прикамья в аспекте языкового взаимодействия, приведена топонимия Прикамья, образованная от севернорусских антропонимов, этнохоронимов. Центральное место в статье уделено рассмотрению севернорусской лексики ландшафта в прикамских говорах и дифференциации центральных ареалов этой лексики.

Ключевые слова: лингвогеография; говоры севернорусского наречия; русские говоры Прикамья; диалектная лексика ландшафта.

Целью статьи является рассмотрение ономастики и диалектной лексики ландшафта Прикамья, свидетельствующей о генетической связи севернорусских и прикамских говоров¹. Центральное место в статье уделено севернорусской лексике ландшафта в прикамских говорах и дифференциации её центральных ареалов. В задачи статьи не входит историко-этимологический анализ рассматриваемой лексики.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Финно-угорский субстрат в топонимии и русских говорах Верхнего и Среднего Прикамья», проект № 13–34–01018. «Сохранение и исследование лингвистического наследия поликультурного региона: применение информационных технологий», проект № 14–34–01279.

¹Здесь и далее в статье не проводится различие между понятиями «прикамские говоры», «русские говоры Прикамья», «русские говоры Пермского края».

Непосредственно перед рассмотрением материала следует обозреть историю формирования русских говоров Прикамья в аспекте языкового взаимодействия².

Судя по сведениям русских летописей и результатам археологических разысканий, с конца XI в. в Прикамье изредка могли появляться новгородские и владими́ро-суздальские дружины³. В конце XII — начале XIII вв. на подступах к Прикамью Владимиро-суздальским княжеством были созданы условия для развития народной колонизации этого района из своих северных земель, но оседлое русское население появляется в Прикамье лишь в XIV–XV вв., в результате стихийной крестьянской колонизации края, шедшей в основном с севера, из бывших ростово-суздальских земель, из Поморья, а в XVI в. — из Новгородской, Вологодской, Вятской, Архангельской земель. К началу XVII в. русские заселили в Прикамье часть земель по Каме, Вишере, Колве, Чусовой, Сылве; южнее и севернее этих мест жило финно-угорское население⁴. Взаимодействии финно-угров Приуралья и русских колонизаторов привело к тому, что западные манси ушли за Урал или были ассимилированы, к XIX в. коми-пермяки, проживавшие на северо-востоке и

²Истории формирования русских говоров Прикамья посвящены сочинения Е. Н. Поляковой, повторять которые нет необходимости, см.: Полякова Е. Н. Региональная лексикология и ономастика. Пермь, 2006. С. 14–37; Полякова Е. Н. Русская речь Пермского края в историческом аспекте (XIII–XVIII вв.) // Живая речь Пермского края в синхронии и диахронии: материалы и исследования. Ч. 1. Пермь, 2007. С. 4–42; Полякова Е. Н. Лингвокультурное пространство Пермского края. Пермь, 2009. С. 52–61.

³Дмитриев А. А. Пермская старина: сб. исторических статей и материалов, преимущественно о Пермском крае. Вып. 1. Пермь, 1889. С. 64; Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск, 1990. С. 61 и далее; Полякова Е. Н. Региональная лексикология... С. 20. Тем не менее, даже если некоторые новгородцы в результате военных экспедиций и походов за пушшиной оседали в Прикамье (Шишонко В. Н. Пермская летопись с 1263–1881. Период 1. Пермь, 1881. С. 6), «это были лишь отдельные случаи, никак не влиявшие на языковую ситуацию в Пермском крае», см.: Полякова Е. Н. Русская речь Пермского края... С. 6.

⁴Оборин В. А. Указ. соч. С. 63, 73, 94; На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии севернорульского крестьянства XVII–XX вв. / отв. ред. В. А. Александров. М., 1989. С. 16; История Урала с древнейших времён до 1861 г. / отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1989. С. 161.

юге своей территории, пройдя этап билингвизма, полностью обрусели⁵, что подтверждается многообразием финно-угорского языкового субстрата в Прикамье⁶.

Следует также помнить, что после XVI в. вместе с русскими из Поморья в Пермь Великую приходили коми-зырянские семьи⁷ и в XVIII–XIX вв., очевидно, смешанное коми-ненецкое население Печорского бассейна⁸, т. к. к этому временному отрезку относятся тесные контакты верхнепечорского и верхнекамского населения друг с другом и с предками коми-зырян; не ослабевали эти родственные

⁵На путях из земли Пермской. . . С. 25; *Оборин В. А.* Указ. соч. С. 46. Следует отметить, что языковое воздействие не было односторонним: «С приходом русских начинается активный процесс взаимопроникновения русских слов в местные языки и наоборот. Известно, что в XVII в. на Урале были люди, знавшие не только два, но и три языка», см.: *История Урала. . .* С. 232.

⁶Так, например, выделен ряд фонетических особенностей, присущих исключительно пермскому региолекту (сложившемуся преимущественно на прикамской диалектной основе) и обусловленных взаимодействием с местным неславянским населением, см.: *Скитова Ф. Л.* Верхневишерские говоры Пермской области на современном этапе развития: дис. . . канд. филол. наук. Л., 1961; *Смолякова Л. П.* Формирование фонетической системы русских говоров Волго-Камья (с учётом иноязычных влияний). М., 1977; *Штерн А. С., Ерофеева Е. В.* Фонетика говоров и литературного языка на территории Пермской области // *Е. В. Ерофеева, Е. Н. Полякова, А. С. Штерн.* Русские говоры Пермского региона: Формирование. Функционирование. Развитие. Пермь, 1998. С. 31–133; *Ерофеева Е. В.* Фонетические особенности русской речи билингвов Пермского края: языковые контакты и языковой континуум // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология.* 2013. Вып. 1 (21). С. 51–62.

⁷История Урала. . . С. 133.

⁸Случай упоминания научной литературой этого населения многочисленны, см.: *Лашук Л. П.* Очерки этнической истории Печорского края (опыт историко-этнографического исследования). Сыктывкар, 1958; *Микушев А. К.* Эпос колвинских ненцев в его исторических связях с фольклором финно-угров и самодийцев // *Вопросы финно-угроведения.* Вып. 5. Йошкар-Ола, 1970. С. 232; *Туркин А. И.* Коми местные географические термины ненецкого и обско-угорского происхождения // *Топонимия Урала и севера европейской части СССР* (Вопросы ономастики. Вып. 17). Свердловск, 1985. С. 118 и др. См. также о коми-ненецком населении в Северном Прикамье: *Гайдамашко Р. В.* Топооснова *яран* и *ненцы* в Верхнем Прикамье: предварительные замечания // *Материалы XL Международной филологической конференции 14–19 марта 2011 г. Уралистика.* СПб., 2011. С. 14–19.

связи и в XX в.⁹.

Таким образом, финно-угорское лексическое наследие в русских говорах Прикамья не ограничивается субстратом и заимствованиями в составе севернорусской лексики, но также, скорее всего, осложнено сравнительно поздним адстратом и суперстратом.

В монографии Е. Н. Поляковой, написанной на обширном материале русских деловых памятников письменности Прикамья XVI–XVIII вв., были подробно рассмотрены прозвища и образованные от них фамилии, указывающие на места, откуда приходили переселенцы в Пермь Великую¹⁰. Нередки в Прикамье топонимы (преимущественно — ойконимы), образованные от данных антропонимов (или же напрямую от этнохоронимов): село *Ярославлево* (Кар.) (ТК: О–40–51), д. *Тверитинова* (Ус.) (УКС: 129), руч. *Корел*, впадающий в р. *Корел*, приток р. Боровая (Сол.) (ТК: О–40–6), село *Поморцево* (Доб.) (ТК: О–40–42), д. *Ваганова* (Куд.) (ГНВП: 71), д. *Мезенцы* (Ныт.) (ТК: О–40–63), (Ор.) (ГНВП: 121), р. *Мезенка* (Черд.) (МСГН: 66), р. *Мезень*, вытекающая из оз. *Мезень* в р. Кама (Ус.) (ТК: О–40–29), ур. *Пинягинское жильё* (Черд.) (СГСЧ: 614), д. *Южанинова* (Краснов.) (СГСЧ: 798), ур. *Южаково* (гор. окр. Березники) (ТК: О–40–19), ур. *Южаковка* на р. *Южаковка* (Чус.) (ТК: О–40–67), село *Лузино* (Ныт.), н. п. *Нижняя Лузина* (Ил.) (ТК: О–40–51), н. п. *Кайгородово* (Кун.) (ТК: О–40–90), д. *Вятчаньы* (Черд.) (МСГН: 81), село *Вятчана* на р. Сива (Сив.) (ТК: О–40–50), ур. *Вяткино* и н. п. *Вяткино* на р. Обва (Кар.), н. п. *Вяткино* у р. Большая Тетля (Кар.) (ТК: О–40–51), н. п. *Рязаны* (Бер.) (ТК: О–40–92) и мн. др.

Необходимо при этом оговориться, что антропонимы, указывающие на места, откуда пришли переселенцы в Прикамье, могли быть присвоены не только носителям севернорусского наречия, но и отдельным финно-уграм, приходившим вместе с русскими¹¹ (о таких

⁹На путях из земли Пермской... С. 18.

¹⁰Полякова Е. Н. История имён жителей Пермского края в XVI–XVIII веках. Пермь, 2010. С. 24–28.

¹¹Подобное неразличение (в этническом смысле) на других территориях отмечено и прежде: «Е. А. Хелимский (частное сообщение) заметил, что в Заволочье, ввиду освоения его не только собственно новгородцами, но и русско-

случаях см. выше).

Генетическая связь русских говоров Верхнего Прикамья с говорами Русского Севера подтверждена не только ономастическим материалом, но и данными апеллятивной лексики, особенно — географической терминологией.

По материалам СРНГ, пермским говорам присущи такие апеллятивы севернорусского ареала, как, например:

ляга ‘болотистое место, топкое место; болото’ (Новг., Калинин., Петерб., Прионеж., Олон., Арх., Волог., Печор., Киров., Перм., Сиб.) (СРНГ 17: 253–254).

наволок ‘низменное поемное место на берегу реки’ (Новг., Твер., Костром., Яросл., Ленингр., Онеж., Олон., Мурман., Арх., Волог., Сев.-Двин., Перм., Сиб.) (СРНГ 19: 178–179).

подморина ‘низкое, сырое место среди поля’ (Арх., Киров., Перм., Приурал.) (СРНГ 28: 84).

прилук ‘берег речной излучины (напротив мыса)’ (Костром., Арх., Печор., Киров., Перм.), ‘крутой высокий берег, обрыв в излучине реки’ (Новг., Яросл., Арх., Волог., Коми, Прикам., Якут.) (СРНГ 31: 280).

пролой ‘проток, канал между двумя водоёмами’ (Арх., Перм., Том.) (СРНГ 32: 174).

релка, рёлка ‘возвышенность, холм, обычно продолговатая гряда среди равнины или в лесу’ (Калин., Пск., Арх., Перм., Сиб.), ‘сухое возвышенное место, гряда, островок среди болота или низменной местности’ (Новг., Твер., Калинин., Олон., Мурман., Арх., Вят., Перм., Сиб.) (СРНГ 35: 47–49).

сечище ‘место, где вырублен лес; вырубка’ (Арх., Беломор., Перм., Свердлов.) (СРНГ 37: 251).

слуда ‘высокий гористый берег реки’ (Арх., Волог., Сев.-Двин., Вят., Киров.) (СРНГ 38: 306–307), (Перм.)¹² и др.¹³

карельскими (вепскими) метисами, граница самосознания неизбежно проходила по линии „пришлый : местный“, а не „русский : финно-угр“. . . » (МСРЗ: 26).

¹²Специально о слове *слуда* см.: Полякова Е. Н. Лингвокультурное пространство. . . С. 149–156.

¹³Из восьми произвольно приведённых лексем: 8 имеют общий ареал в пре-

Некоторые севернорусские диалектные апеллятивы, в данный момент не употребляемые в пермских говорах, восстанавливаются на основе местной топонимии. Таковы, например:

**гляден* при *глядень* ‘возвышенное место, удобное для наблюдений за морем’ (Арх., Беломор.), ‘холм, горка, высокое место, используемое для караула и наблюдения’ (Сиб.) (СРНГ 6: 227–228), ср. д. *Гляден* (Ал.), д. *Гляденово* (Ос.), поле *Гляден* (Ерзовка Ал.) и др.;

**прость* при *прость* ‘канал’, ‘старое заросшее русло реки’ (Волог.), ‘прямой, мелководный проток’ (Костром., Киров.), ‘название пожни’ (Новг.) (СРНГ 32: 257), ср. оз. *Нижняя Прость*, оз. *Верхняя Прость*, луг *Против Верхней Прости* и др. (Черд.)¹⁴.

Результаты проведённого автором анализа неисконной севернорусской лексики ландшафта конспективно можно представить в виде кратких словарных статей¹⁵, в которых последовательно приво-

делах (Арх., Перм.); 6 — в пределах (Арх., Киров. (Вят.), Перм.); 3 — в пределах (Новг., Арх., Волог., Перм., Сиб.); 3 — в пределах (Новг., Твер. (Калин.), Арх., Перм., Сиб.) и т. д. Таким образом, ареальные данные помогают наметить изоглоссы общих лексических явлений, и, кроме прочего, подтверждают наблюдения М. Бартоли, согласно которому периферийные ареалы мало (или совсем не) подвержены инновациям, имеющим место в центральном ареале (*Polomé E. C. Linguistic paleontology: Migration theory, prehistory, and archaeology correlated with linguistic data // Research guide on language change (Trends in linguistics. Studies and monographs. 48). Berlin, 1990. P. 141*, см. также специальное исследование о центре и периферии: *Andersen H. Center and periphery: adoption, diffusion, and spread // Historical dialectology: regional and social (Trends in linguistics: Studies and monographs. 37). Berlin, 1988. P. 39–83*), и поэтому лучше сохраняют архаичные языковые (resp. диалектные или присущие наречию) черты.

¹⁴*Полякова Е. Н.* Лингвокультурное пространство... С. 141–149. Разработку проблематики см.: *Богачёва М. В.* Реконструкция русской апеллятивной лексики на материале ойконимии Пермской области. Дис... канд. филол. наук. Пермь, 2003.

¹⁵Подробно этот вопрос был рассмотрен в предыдущем выпуске сборника, см.: *Гайдамашко Р. В.* О севернорусской лексике финно-угорского происхождения в пермских говорах (на материале тематической группы «Ландшафт») // Севернорусские говоры. Вып. 12. СПб., 2012. С. 181–205. Упомянутая статья, однако, посвящена историко-этимологическому аспекту проблемы, в то время как в настоящей публикации основное внимание уделено больше географии, нежели истории лексических фактов. Кроме того, в пресловутой статье оста-

дятся: наиболее распространённая в прикамских говорах диалектная лексема, её предельно общая семантика, ареал внутри исследуемого региона в виде сокращённых названий районов Пермского края в скобках (список сокращений см. в конце статьи)¹⁶. За надписью «Топ.» следуют названия районов Пермского края, в топонимии которых отражена эта лексема. Прикамский апеллятивный и топонимический материал почерпнут из разного рода источников, полный список которых см. в конце статьи (АС; ГНВП; КАС; КЛАРНГ; Кривощёкова-Гантман 1981; КСРГСП; КСРНГ; Куклин 1938; ЛАРНГ; Матвеев 1959; МСГН; СГСРП; СГСЧ; СГТП; СЛПП; СПГ; СРГКП; СРГСП; СРГСУ; СРГСУД; СРГЮП; СРНГ; ТК; УКС). Доказательства севернорусского происхождения рассматриваемых прикамских слов, подробную ареальную дистрибуцию и вариативность лексем на общерусском фоне в синхронии и диахронии см. в: исторических словарях (МСДРЯ; СДРЯ XI–XIV; СЛПП; СлРЯ XI–XVII; СлРЯ XVI–XVII; СлРЯ XVIII); диалектных словарях — сводном (СРНГ) и региональных (АОС; НОС; ОСВГ; ПОС; РГБ; СГРС; СОВН; СРГК; СРГНП); а также в пробном выпуске «Лексического атласа русских народных говоров» (ЛАРНГ). Так как в задачи настоящей статьи не входит историко-этимологический анализ рассматриваемых лексем, за подробной этимологией лексем отсылаем читателя к соответствующим трудам (Веске 1890; Ивашко 1958; Кривощёкова-Гантман 1981; Матвеев 1959, 1962, 1964; МСРЗ; МСФУСЗ; Мызников 2003, 2004, 2007; Погодин 1904; РЭС; ЭСРДС; ЭСРЯ; Kalima 1919, 1927; SKES; SSA).

вадьа ‘озеро, окно в болоте, в трясине’ (Губ.). Топ. (Черд.).

вара ‘небольшая возвышенность’ (Черд.).

ворга ‘просека в лесу’ (Краснов., Черд., Коми-Перм., Сол., Губ., Сук.). Топ. (Краснов., Черд., Кос.).

лись без внимания или не учтены многие из приводимых далее лексем. Такие слова, как *ворга*, *кокуй*, *курган*, *курья*, *лабда*, *лыва*, *согра*, были сознательно упущены из виду по причине их неясной этимологии. Лексемы *ерник*, *кент*, *матка*, *мяндач*, *шаглы* обнаружены в неопубликованных источниках (КЛАРНГ, КСРГСП и др.).

¹⁶Обширные пометы (Перм.; Верх. Прикамье; Коми-Перм.; Сев. Урал; Сев. Приурал. и т. п.) указаны в тех случаях, когда источник лексем не даёт более точных географических привязок.

- едма* 'возвышенность, возвышенное место' (Черд.).
- ерник* 'мелкий лес, мелколесье' (Б.-Сосн., Ел.).
- кекур* 'высокое место, бугор, холм' (Черд., Ох.). Топ. (Черд., Ус., Ал., Куд., Сив., Кар., Ныт., Пермск., Оч., Ох., Уин.).
- кент* 'вершина с пологими склонами' (Сев. Урал).
- кокуй* 'малопродуктивный участок земли с песчаной почвой' (Пермск.). Топ. (Краснов., Черд., Сол., Ус., Юр., Ил., Вер., Оч., Ох., Кун., Ор., Сук., Черн.).
- корба* 'ложбина, сырая низменность, поросшая ельником' (Ус., Губ.).
- курган* 'глубокая яма естественного происхождения' (Перм.). Топ. (Коч.).
- курья* 'залив на месте бывшего русла реки' (Краснов., Черд., Гайн., Сол., Юр., Куд., Чус., Лыс., Ныт., Пермск., Ох., Кун.). Топ. (Краснов., Черд., Гайн., Коч., Сол., Куд., Ил., Чус., Горн., Киш.).
- лахта* 'прибрежная часть озера, поросшая травой' (Доб.).
- луда*₁ 'каменистое дно реки' (Ус.).
- лыва* 'лука' (Краснов., Черд., Гайн., Сол., Ус., Ал., Куд., Юс., Ил., Кар., Вер., Пермск., Лыс., Ох., Кун., Киш., Час., Ос., Ор., Сук., Черн.). Топ. (Черд., Ус., Кар., Ох.).
- майна* 'прорубь на реке (для ловли рыбы, для полоскания белья)' (Краснов., Черд., Юс., Бер., Сук.).
- матка* 'главная лесовозная дорога' (Краснов., Черд., Кун.).
- мыза* 'поселение на пологом верхе возвышенности' (Губ., Доб., Киш.). Топ. (Черд.).
- мяндач* 'низкосортный сосновый лес (молодой, гнилой или с большим количеством заболони)' (Краснов., Черд., Сол., Ил., Чус.). Топ. (Доб.).
- нарья* 'низкое место, поросшее кустарником, затопляемое во время разлива реки' (Чус., Лыс.).
- ропочажник* 'мелкий болотный березняк' (Сев. Приурал., Пермск.).
- рям* 'густо заросшее, непроходимое место в лесу' (Сол., Куд., Ил.).
- согра* 'низина, сырое место' (Краснов., Черд., Гайн., Сол., Ус., Юс., Губ., Ил., Лыс., Краснок., Пермск., Б.-Сосн., Бер., Кун., Киш.,

Час., Ос., Ор., Бар., Уин., Ок.). Топ. (Краснов., Черд., Куд., Пермск., Кун., Бер.).

сузём ‘глухой, труднопроходимый дальний лес’ (Краснов., Черд., Сол., Ус., Губ., Ил., Чус., Час.). Топ. (Черд., Сол., Доб.).

тундра ‘верховое болото; болотистая, торфянистая почва’ (Краснов., Черд., Гайн., Сол., Ус., Ал., Юс., Сив., Кар., Ил., Вер., Ныт., Краснок., Пермск., Бер., Киш., Ос.). Топ. (Краснов., Черд., Кос., Доб., Сив.).

уйта ‘озерко; яма в болоте, заполненная водой’ (Черд.).

холуй ‘место наноса на реке, прибрежном лугу во время половодья веток, кустов, деревьев’ (Краснов., Черд., Сол., Оч.). Топ. (Краснов., Черд., Гайн., Ал., Ос.).

шаглы ‘богатая рыбой заводь’ (Черд.).

Е. Н. Поляковой отмечено, что иногда нет возможности точно установить источник многих заимствований из пермских языков ввиду сходства коми-пермяцкой и коми-зырянской географической лексики¹⁷. Примечательно в этой связи, что и коми топонимия, распространённая от Поморья до Среднего Урала и Зауралья, в большинстве случаев сходна и потому не может служить верифицирующим инструментом при установлении источника. В то же время могли иметь место и случаи параллельного (возможно, неоднократного) заимствования одного и того же слова в разные русские говоры, которые контактировали с коми языком¹⁸. Указанные сложности, возникающие при попытке языковой/диалектной идентификации коми этимона, побуждают принимать во внимание все явные заимствования из коми, но без более точной языковой/диалектной идентификации, ввиду формального и семантического сходства предполагаемого этимона в коми языковом массиве (коми-зырянские и коми-пермяцкие диалекты, включая коми-

¹⁷См.: Полякова Е. Н. Источники русской народной географической терминологии Пермской области // Природное наследие и географическое краеведение Прикамья. II межрегиональная научно-практическая конференция (г. Пермь, 28–29 марта 2000 г.). Пермь, 2000. С. 89.

¹⁸См.: Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в говорах Русского Севера. I // Этимология. 1994–1996. М., 1997. С. 125–126.

язьвинское наречие) и, как следствие, аналогичным или сходным по форме и семантике заимствованием:

гурган ‘место карстового провала; яма; рытвина’ (Верх. Прикамье). Топ. (Черд., Куд., Доб.).

зыля ‘ржавое болото’ (Губ.). Топ. (Юс.).

керос ‘поляна в лесу на месте вырубки’ (Черд., Ил., Кар.). Топ. (Краснов., Черд., Гайн., Куд., Юс.).

лабда ‘крутой отвесный берег, подмываемый рекой’ (Краснов., Черд.). Топ. (Черд.).

ласта ‘покосное место, лужайка на берегу’ (Краснов., Черд., Сол., Ус., Юс., Ил., Пермск., Час.). Топ. (Краснов., Черд., Ал., Юс.).

*луда*₂ ‘неплодородная, глинистая почва’ (Черд., Юр., Ус., Чус., Вер., Пермск., Ох., Час., Чайк.). Топ. (Юр., Куд.).

няша ‘сырое, топкое место, грязь’ (Черд., Сол., Ус., Ил., Кар., Лыс., Кун.). Топ. (Доб., Пермск.).

парма ‘глухой лес на возвышенности; возвышенность, покрытая густым лесом’ (Краснов., Черд., Гайн., Сол., Ус., Куд., Юс., Ил., Кар., Доб., Чус., Лыс.). Топ. (Краснов., Гайн., Коч., Юр., Куд., Юс., Губ.).

роча ‘заливной луг’ (Черд.).

чумкас ‘расстояние в 5–7 км в лесу, на реке’ (Прикам., Черд.). Топ. (Гайн., Ос.).

Далее попытаемся дифференцировать центральные ареалы севернорусской лексики ландшафта в прикамских говорах. «Точность границ ареалов, изоглосс находится в прямой зависимости от полноты собранных сведений»¹⁹, поэтому география того или иного языкового явления, в т. ч. лексического заимствования, может быть достоверно установлена только в результате качественного фронтального сбора языковых материалов на сравнительно узкой территории²⁰. Различными диалектными словарями, тем не менее, по-

¹⁹См.: *Сороколетов Ф. П., Попов И. А.* Областные словари как источник лексических и ареальных исследований // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тезисы докладов и сообщений, 9–12 февраля 1971 г. Л., 1971. С. 36.

²⁰Такая территория, очерченная максимальным числом дифференцирующих изоглосс, обозначается А. С. Гердом как «микрizona» (см.: *Герд А. С.* Мето-

крыта значительная часть Русского Севера, что способствует выделению центральных лексических ареалов. Немаловажное значение имеют также исторические словари, которые порой отражают ареал того или иного лексического факта в диахронии.

Так, среди рассмотренной ландшафтной лексики в русских говорах Прикамья возможно различить несколько пластов с пересекающимися иногда изоглоссами, но точно выстроить их в хронологической последовательности весьма сложно²¹:

1. лексика, центральный ареал которой лежит условно между Псковским озером, озером Кубенским и Обонежьем. См.: *майна* (Осташк. Твер.; Мал., Волх. Новг.; Петерб. (Ленингр.); Вытегор. Волог.; Олон.; Карел.; Северодвинск, Онеж., Холмог. Арх.)²², *мыза* (Фиров. Твер.; Бат., Кр., Новг., Чуд. Новг.; Пск.; Петерб.; Северо-Запад; Олон.; Прибалт.; Белорус.)²³.

2. лексика, центральный ареал которой выделить крайне сложно по причине повсеместного её распространения в говорах почти всего Северо-Запада. Примерный ареал изначального распространения данной лексики располагается в Заонежье, бассейне Онеги, нижнем Подвинье, западном Беломорье и на Кольском полуострове. См.: *вара* (Карел.; Мурман.; Арх.; особо — Двин. 1584; Кольск. 1608–1609; Арх. XVIII), *ерник* (Волог.; Беломор.; Сев.-Двин.; Арх. 1847; Печор.), *кекур* (Онеж., Кем., Кольск., Беломор. Арх.), *кент* (Хв. Новг.; Вытегор., Кадуйск. Волог.; Олон.; Карел.; Кольск.; Онеж.

ды лингвистической географии и сопоставление локальных микрозон // Ареальные исследования в языкознании и этнографии: Тезисы третьей конференции на тему «Методика лингво- и этногеографических исследований. Маргинальные и центральные ареалы», 10–12 февраля 1975. Л., 1975. С. 20–21), а А. К. Матвеевым как «микрорегион» (см.: Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I. Екатеринбург, 2001. С. 80–84, 293 и др.).

²¹Ср. также: «... этимология, как правило, не ставит вопроса о хронологии появления слова. В то же время очевидно, что полностью он не может быть снят... рано или поздно к хронологии появления конкретных слов в определённом ареале придётся вернуться», см.: Герд А. С. Региональный этимологический словарь // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж. Ж. Варбот. М., 2006. С. 105–106.

²²С центральным ареалом данной лексемы, однако, не всё ясно, т. к. имеются пометы (Астрах. 1654), (Астрах. 1852), (Горьк. 1969), (Волж.).

²³Ср. также пометы (Покр. Влад. 1910), (Киржач. Влад. 1910), (Влад.).

Арх.), *корба* (Тихв., Борович., Сол. Новг.; Вытегор. Волог.; Ленингр.; Олон.; Карел.; Каргоп. Арх.; особо — Обонеж. 1391), *курган* (Волог., Кадн. Волог.; Беломор.; Каргоп., Лешук. Арх.), *лахта* (Пск.; Дем., Поозер., Хв. Новг.; Петерб.; Олон.; Беломор.; Каргоп., Онеж., Пинеж. Арх.; в диахронии — Сев.Зап. 1562; Лифлянд. (Эст.) 1577; Пск. 1587; Двин. XV; Двин. 1693; Сийск. Арх. 1629), *луда*₁ (Калин. (Твер.); Новг.; Пск.; Петерб.; Вытегор. Волог.; Олон.; Карел.; Беломор.; Мурман.; Арх.), *майна* (см. выше), *матка* (Волог.; Ленингр.; Карел.; Арх.), *мяндач* (Вельск. Волог.; Пудож. Олон.; Медвежьегор., Прионеж. Карел.; Шенк., Каргоп. Арх.; Арх.), *нарья* (Шенк., Примор., Холмог. Арх.; в диахронии — Двин. XV; Важ. 1623, 1654; Холмог., Устюж. 1595; Великоустюж. 1639, 1654; Сийск. 1663), *орга* (Вытегор. Волог.; Ленингр.; Олон.; Карел.; Шенк., Каргоп. Арх.), *ропочажник* (Тихв. Новг.; Тотем., Кадн. Волог.; Олон.; Карел.; Вельск., Каргоп. Арх.), *рям* (Новг.; Тихв. Ленингр.; Пудож. Карел.; Сольвыч. Волог.; Сев.-Двин.), *сузём* (Новг.; Волог.; Олон.; Карел.; Мурман.; Арх.), *тундра* (Олон.; Беломор.; Арх.; Сев.-Двин.), *уйта* (Вытегор. Волог.; Карел.; Прионеж.; Арх.), *шаглы* (Ленингр.; Олон.; Карел.; Мурман.; Волог.; Арх.).

3. лексика, центральный ареал которой находится в центральной части бассейна Северной Двины, т. е. в бассейнах Ваги, Сухоны и по нижней Вычегде. См. *вадья* (Ярен., Усть-Сысол., Никол., Тотем. Волог.; Сев.-Двин.), *гурган* (Усть-Сысол., Ярен. Волог.; Арх.), *зыля* (Ярен. Волог.), *парма* (Ярен., Усть-Сысол. Волог.; Арх.; Коми), *чумкас* (Сольвыч., Ярен., Устьсыс. Волог.; Мезен. Арх.; Печор.).

4. лексика, центральный ареал которой лежит в низовьях Северной Двины. См. *вадья* (Лен., Лешук. Арх.), *едма* (Сольвычег., Кадн., Кадуйск. Волог.; Арх.), *нарья* (Примор., Холмог., Шенк. Арх.), *роча* (Арх.).

5. лексика, в основном распространённая в Волго-Двинском междуречье. См. *луда*₂ (Костром.; Сев.-Двин.; Арх.; Удм.; Вят. (Киров.)).

6. лексика, центральный ареал которой располагается в Припечорье. См. *ерник* (см. выше), *керос* (Мезен. Арх.; Усть-Цилем. Коми; Коми), *лабда* (Печор.), *ласта* (Мезен. Арх.; Усть-Цилем. Коми; но и: Ярен. Волог.), *парма* (см. выше), *уйта* (Усть-Цилем. Коми),

чумкас (см. выше).

СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. *О. Г. Гецовой*. Вып. 1–14. М., 1980–2012.

АС — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Под ред. *Ф. Л. Скитовой*. Вып. 1–6. Пермь, 1984–2011.

Веске М. П. Славяно-финские культурные отношения по данным языка. Казань, 1890.

ГНВП — *Кривощёкова-Гантман А. С.* Географические названия Верхнего Прикамья (С кратким топонимическим словарём). Пермь, 1983.

Ивашко Л. А. Заимствованные слова в печорских говорах // Уч. зап. ЛГУ. Серия филологических наук. Вып. 42. № 243. Л., 1958. С. 84–103.

КАС — Картотека Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимского словаря), хранится на кафедре теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.

КЛАРНГ — Картотека «Лексического атласа русских народных говоров», хранится в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН.

Кривощёкова-Гантман А. С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Свердловск, 1981. С. 46–62.

КСРГСП — Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края», хранится на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного национально-исследовательского университета.

КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров», хранится в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН.

Куклин С. А. Звери и птицы Урала и охота на них. 2-е изд., испр. Свердловск, 1938.

ЛАРНГ — Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск / ред. *И. А. Попов, Т. И. Вендина*. СПб., 2004.

Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала (Уч. зап. Урал. ун-та. Языкознание. Вып. 32). Свердловск, 1959.

Матвеев А. К. Новые данные о финно-угорских заимствованиях в русских говорах Урала и Западной Сибири // Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1962. С. 127–142.

Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // Acta Linguistica Hungaricae. Т. 14, f. 3–4. Budapest, 1964. P. 285–315.

МСГН — *Чагин Г. Н.* Материалы к словарю географических названий Прикамья // *Чагин Г. Н.* Пермь Великая в топонимических доказательствах. Пермь, 2004. С. 66–98.

МСДРЯ — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1–3. СПб., 1893–1912.

МСРЗ — *Шилов А. Л.* Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка. М., 2008.

МСФУСЗ — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1. А–И / *Н. В. Кабинина, А. К. Матвеев, О. В. Мищенко, О. А. Теуш* / под ред. *А. К. Матвеева*. Екатеринбург, 2004.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007.

НОС — Новгородский областной словарь / *А. В. Клевцова, А. В. Никитин, Л. Я. Петрова, В. П. Строгова*; ред. *А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова*; изд. подгот. *А. Н. Левичкин, С. А. Мызников*. СПб., 2010.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / под ред. *В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной*. Вып. 1–8. Киров, 1996–2012.

Погодин А. Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // *Варшавские университетские известия*. 1904. № 4. С. 1–72.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / ред. *Б. А. Ларин, Л. А. Ивашко, С. М. Глускина* и др. Вып. 1–23. Л.; СПб., 1967–2012.

РГБ — *Мызников С. А.* Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб., 2010.

РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1–8-. М., 2007–2014-.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. *А. К. Матвеева*. Т. 1–5-. Екатеринбург, 2001–2011-.

СГСРП — Словарь говоров Соликамского района Пермской области / сост. *О. П. Беляева*. Пермь, 1973.

СГСЧ — *Кривощёков И. Я.* Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии, с приложением карты бассейна р. Камы и иллюстрациями. Пермь, 1914.

СГТП — *Полякова Е. Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.

СДРЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) / гл. ред. *Р. И. Аванесов, И. С. Улукханов, В. Б. Крысько*. Т. 1–10-. М., 1988–2013-.

СЛПП — *Полякова Е. Н.* Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века. Т. 1–2. Пермь, 2010.

СЛРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. *С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелёв, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько*. Вып. 1–29. М., 1975–2011.

СЛРЯ XVI–XVII — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков / под ред. *О. С. Мжельской*. Вып. 1–5. СПб., 2004–2012.

СлРЯ XVIII—Словарь русского языка XVIII века /гл. ред. Ю. С. Сорокин, З. М. Петрова. Вып. 1–19. Л.; СПб., 1984–2011.

СОВН—Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. /изд. подгот. А. Н. Левицкий, С. А. Мызников. СПб., 2006.

СПГ—Словарь пермских говоров /под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Вып. 1–2. Пермь, 2000–2002.

СРГК—Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей /гл. ред. А. С. Герд. Т. 1–6. СПб., 1994–2005.

СРГКП—Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа /науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2006.

СРГНП—Словарь русских говоров Низовой Печоры /под ред. Л. А. Ивашко. Т. 1–2. СПб., 2003–2005.

СРГСП—Словарь русских говоров севера Пермского края /гл. ред. И. И. Рушинова. Вып. 1. А–В. Пермь, 2011.

СРГСУ—Словарь русских говоров Среднего Урала /гл. ред. П. А. Вовчок, А. К. Матвеев. Т. 1–7. Свердловск, 1964–1988.

СРГСУД—Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения /под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.

СРГЮП—Словарь русских говоров Южного Прикамья /Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных [и др.]; науч. ред. И. А. Подюков. Вып. 1–3. Пермь, 2010–2012.

СРНГ—Словарь русских народных говоров /гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Соколов. Вып. 1–45. М.; Л.; СПб., 1965–2013.

ТК—Топографические карты Генерального штаба. Масштаб 1:100000. М., 1988.

УКС—Кривощёков И. Я. Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губернии, составленный по сведениям Соликамской земской управы, литературным источникам и личным наблюдениям на местах. Екатеринбург, 1897.

ЭСРДС—Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000.

ЭСРЯ—Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV /перевод с нем. и предисловие О. Н. Трубачёва. М., 1964–1973.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki, 1919.
Kalima J. Syrjänische Lehngut im Russischen // Finnisch-ugrische Forschungen. 1927. Bd. XVIII, hft. 1–3. S. 1–56.

SKES—Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

SSA—Suomen sanojen alkuperä: Etymologinen sanakirja /päätoim. E. Itkonen, U. M. Kulonen. O. 1–3. Helsinki, 1992–2000.

СОКРАЩЕНИЯ РАЙОНОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Ал. — Александровский;	Ок. — Октябрьский;
Бар. — Бардымский;	Ор. — Ординский;
Бер. — Берёзовский;	Ос. — Осинский;
Б.-Сосн. — Большесосновский;	Ох. — Оханский;
Вер. — Верещагинский;	Оч. — Очёрский;
Гайн. — Гайнский;	Пермск. — Пермский;
Губ. — Губахинский;	Сив. — Сивинский;
Доб. — Добрянский;	Сол. — Соликамский;
Ил. — Ильинский;	Сук. — Суксунский;
Кар. — Карагайский;	Уин. — Уинский;
Киш. — Кишертский;	Ус. — Усольский;
Коч. — Кочёвский;	Чайк. — Чайковский;
Краснов. — Красновишерский;	Час. — Частинский;
Краснок. — Краснокамский;	Черд. — Чердынский;
Куд. — Кудымкарский;	Черн. — Чернушинский;
Кун. — Кунгурский;	Чус. — Чусовской;
Лыс. — Лысьвенский;	Юр. — Юрлинский;
Ныт. — Нытвенский;	Юс. — Юсьвинский.